

другой. Проведение районных и областных краеведческих конференций, показало расширение числа их участников - в конференциях стали участвовать практически все районы области, в том числе и те, педагоги которых впервые прошли обучение на семинаре, а также возросший уровень работ этнографической тематики.

Папков А.И., кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии БГТУ им. В.Г. Шухова (Грант РГНФ № 03-01-0062а/ц)

Источниковая база изучения российско-украинского порубежья конца XVI - первой половины XVII века

Понятие "граница" подразумевает, как правило, определение государственной принадлежности смежных территорий. В том случае, если речь идет о зоне межэтнического контакта (государственные границы в данном районе не были маркированы до второй половины XVII в.), представляется более точным термин "порубежье", бытовавший в XVII в. по отношению к изучаемой территории³. Таким образом, для обозначения зоны русско-украинского взаимодействия в конце XVI — первой половине XVII в. (географически совпадающей с Днепро-Донской лесостепью) наиболее удобен термин "российско-украинское порубежье".

Источниковая база изучения российско-украинского порубежья конца XVI — первой Русские и украинцы на протяжении длительного времени взаимодействовали в рамках единого государства — сначала Российской империи, а затем СССР. Такое положение способствовало формированию непротиворечивых и устойчивых отношений между двумя народами. Появление на исторической арене двух независимых держав: России и Украины породило комплекс новых проблем, в том числе и проблему порубежных отношений государств и взаимодействия населения приграничных территорий. Указанные обстоятельства делают актуальной задачу изучения исторического аспекта взаимовлияния межэтнических связей и государственной политики в приграничной зоне.

На протяжении практически всей истории русско-украинских отношений не было времени (за исключением краткого послереволюционного периода), когда половины XVII в. специально не исследовалась, однако имеются работы, посвященные источниковедению украинско-русских связей, содержащие ряд выводов, важных для рассматриваемой проблемы⁴.

³ См.: Словарь русского языка XI—XVII веков. — М., 1991. — Вып. 17. — С. 135.

⁴ См. например: Ковальский Н.П. Источниковедение истории украинско-русских связей (XVI — первая половина XVII в.). — Днепропетровск, 1985.

Довольно много источников по теме исследования уже введено в научный оборот¹. Работа с этими опубликованными материалами осложняется тем, что выборка документов для издания осуществлялась без строгой системы и, поэтому, трудно говорить об их репрезентативности. Несмотря на недостатки, присущие этим изданиям, они сохраняют свое научное значение и по сей день. В соответствии с современными требованиями изданы источники в вышедшем к 300-летию воссоединения Украины с Россией трехтомном сборнике документов². Поскольку он приурочен к юбилею, то и отбирались сюда документы, говорящие о неотвратимости воссоединения исторических судеб двух братских народов. Однако, для воссоздания подлинной картины русско-украинского взаимодействия в приграничном регионе необходима более широкая источниковая база.

Украинские архивные собрания по данной проблематике практически не содержат репрезентативных комплексов документов, что объясняется отсутствием органов украинской государственной власти до середины XVII в. Исключение составляет лишь фонд "Чугуевская приказная изба"³, содержащий 159 документов российского чугуевского воеводы и Разрядного приказа о переселении и жизни черкас в Чугуеве в 1639—1648 гг. Архивы, созданные во время Освободительной войны украинского народа войсковой и гетманской канцеляриями, полностью утрачены. Сохранившиеся документы, происходившие из среды повстанцев, в настоящее время опубликованы⁴.

Польская сторона не сохранила никаких государственных архивов изучаемой эпохи. В архивах Польши имеются лишь отдельные разрозненные материалы частного происхождения, не составляющие определенного корпуса источников⁵.

Поскольку информация о различных проявлениях и фактах русско-украинского взаимодействия отложилась не в компактном виде, а разрознена в многочисленных архивных фондах, то необходимо провести соответствующий поиск с целью выявления источников и формирования репрезентативной источниковой базы исследования. В фондах Полтавского, Харьковского и Белгородского областных государственных архивов не отложилось материалов

¹ См.: Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук. — СПб., 1890—1896. — Т. I—II; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — СПб., 1861. — Т. III; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — СПб., 1841. — Т. II—III; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. — СПб., 1836. — Т. II—IV и др.

² Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3-х т. — М., 1954.

³ ЦГИА Украины. — Ф. 1791. — Оп. 2. — № 19.

⁴ Гісцова Л.З. Документи ЦГІА УРСР про визвольну війну українського народу 1648—1654 рр. та возз'єднання України з Росією // Архіви України. — 1979. — № 2. — С. 46.

⁵ См.: Поршнев Б.Ф. На путях к Поляновскому миру 1634 г. // Международные отношения. Политика. Дипломатия XVI—XX века. — М., 1964. — С. 513.

исследуемого периода. Документы Государственного архива Воронежской области по исследуемой теме опубликованы в ряде сборников, а хранящиеся в Госархиве Курской области писцовые книги не содержат материалов по теме.

Таким образом, наибольшее количество сведений о русско-украинских порубежных контактах содержится в книгах и столбцах приказов Российского государства. Необходимо отметить, что приказные архивы сильно пострадали во время пожара Московского Кремля 3 мая 1626 г. Кроме того, много ценных документов было утрачено во время Смуты начала XVII в. и Отечественной войны 1812 г. В результате проведенного поиска среди материалов, отложившихся в фонде Разрядного приказа, выявлены источники по истории российско-украинского порубежья конца XVI - первой половины XVII в. Упомянутые неопубликованные материалы содержатся в 23 столбцах Московского стола, 79 столбцах Белгородского стола, 11 столбцах Севского стола, 46 столбцах Приказного стола, четырех столбцах Поместного стола и двух столбцах Разных столов⁶. Кроме того, данные о черкасах на порубежье содержатся в трех столбцах фонда "Малороссийские дела"⁷ и в девяти единицах хранения фонда "Приказные дела старых лет"⁸.

Анализ выявленных материалов показывает наличие небольшого по сравнению с последующим временем количества документов, относящихся к периоду 1580-х — 1620-х гг. Можно предположить, что причиной этого явления стал пожар 1626 г. Однако изучение посольских книг из фонда "Сношения России с Польшей", как опубликованных⁹, так и неопубликованных¹⁰, позволяет не только выделить материалы по изучаемой проблеме, но и сделать вывод, что интенсивность русско-украинских контактов в это время постепенно возрастала, резко увеличившись в 20-е гг. XVII в., когда Россия, преодолевая последствия Смуты, возобновила активную колонизацию Поля. Можно подчеркнуть, что первое упоминание о контактах с черкасами содержится в письме Бориса Годунова в Польшу, датированном маем 1592 г.¹¹ Нет оснований предполагать наличие более ранних документов, сгоревших в 1626 г.¹²

Выявленные источники можно подразделить на пять групп. К первой группе относятся отчетные документы местной администрации: отписки (донесения) воевод, описывающие обстановку на порубежье и деятельность самих воевод.

Вторую группу составляют челобитные населения южной окраины России, в которых рассказывается о проблемах, возникавших в ходе освоения

⁶ См.: РГАДА. — Ф.210. — Разрядный приказ.

⁷ Там же. — Ф. 124. — Оп.1.

⁸ Там же. — Ф. 141. — Оп.1.

⁹ Сб. РИО. — Т.71, Т.137, Т.142.

¹⁰ РГАДА. — Ф.79. — Оп. 1. — Д. 10—23; Д. 30—32.

¹¹ Там же. — Ф. 79. — Оп. 1. — Д. 22. — Л. 83-85.

¹² См.: Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960.

Днепро-Донской лесостепи. Сюда же относятся челобитные черкас, переселившихся на российскую территорию и принимавших российское подданство, о разрешении на поселение, выдачу жалования и т.д.

Третья группа источников - это следственные документы, связанные с разбором различных конфликтных случаев. Наибольшую ценность представляют "распросные речи" — письменно зафиксированные показания подозреваемых или свидетелей. К этой группе примыкают распросные речи украинских переселенцев, польских подданных, временно пребывавших на российской территории (купцов и др.), а также лазутчиков, засылавшихся российскими властями на территорию Речи Посполитой. Причем последних вербовали как среди русского населения порубежья, так и среди черкас.

Четвертая, очень важная, группа источников — дипломатическая переписка, состоящая из "листов", которыми обменивались воеводы русских пограничных крепостей и представители польской порубежной администрации, из писем послов и посланий правительств России и Речи Посполитой. Эти документы отражают причины и способы урегулирования конфликтов, сходство и различие подходов сторон к положению на русско-украинской границе. Источники этой группы отложились в Посольских книгах, куда копировалась дипломатическая переписка между Россией и Польшей. Посольские книги содержат информацию, в целом идентичную входящим и исходящим документам.

Правительственные документы входят в пятую группу источников. Это указы, грамоты и т.д. В них формулируются общие (принципиальные) подходы правительства в отношении украинской колонизации Поля. Сюда же можно включить докладные выписи и памяти из Разряда в другие приказы, в них содержится информация о принятии решений по конкретным проблемам, переселению черкас и основных направлениях порубежной политики. Особенно ценными указанные источники оказываются в случае утраты тех документов (отписок, челобитных и т.д.), по поводу которых они возникали. Настоящая классификация источников, в целом, совпадает с общепринятой¹.

Принципы анализа использованных документов довольно хорошо разработаны в отечественном источниковедении². Доказательство реальности фактов, отразившихся в приказных документах, сводится, в основном, к установлению надежности самих источников. Эта задача решается путем

¹ См.: Ковальский Н.П. Источниковедение истории украинско-русских связей (XVI — первая половина XVII в.). — Днепропетровск, 1985. — С. 27.

² См.: Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. — М., 1978. — С. 225—232; Каштанов С.М. О подлинности и достоверности актовых источников // О подлинности и достоверности исторического источника. — Казань, 1991. — С. 24—41.

установления репрезентативности, аутентичности и достоверности используемых материалов³.

Дела и документы, содержащие информацию о русско-украинском взаимодействии в приграничном регионе, являются неотъемлемой составной частью фондов Разрядного, Посольского приказов, других фондов РГАДА и отобраны по принципу наличия информации, обусловленной проблематикой исследования. Поэтому целесообразно говорить не о репрезентативности этой искусственно проведенной выборки, а о степени репрезентативности представленных в документах сообщений о русско-украинских контактах на порубежье. Комплекс выявленных источников освещает совокупность политических и экономических русско-украинских связей на уровне межэтнических контактов, раскрывает основные формы межгосударственного взаимодействия, обусловленные порубежными взаимоотношениями (как на уровне правительств двух стран, так и на уровне местной, пограничной администрации России и Речи Посполитой), позволяет проследить ход процесса переселения черкас в Россию, адаптацию переселенцев и действия российских властей по регулированию переселенческого движения. Таким образом, в выявленных источниках отражены основные черты и свойства изучаемого процесса, что позволяет сделать вывод о репрезентативности данной выборки.

Проиллюстрировать сделанный вывод может подсчет воеводских отписок - наиболее распространенной и массовой разновидности приказной документации. Отписки, освещающие ситуацию на порубежье, направлялись в Посольский приказ, поскольку дело касалось внешнеполитических сношений России, и в Разряд, в ведении которого находилась приграничная территория. Тематически можно выделить документы об устройстве на российской территории украинских переселенцев, предоставлении им земельных участков, жалованья, принятии на воинскую службу. Их анализ показывает, что центральная и местная администрация по отношению к черкасам вела себя так же, как к остальным российским подданным. Имеется ряд отписок о положении дел и событиях на Украине. Отдельную и наименее изученную группу источников данной разновидности составляют отписки, свидетельствующие о трудностях во взаимодействии российских подданных и должностных лиц с черкасами. Проблемы возникали из-за отсутствия соответствующего опыта, они провоцировались политикой властей Речи Посполитой и бюрократизмом российской системы управления. Анализ отписок данной группы позволяет

³ См.: Брехуненко В.А. Из опыта комплексного анализа источников о связях Донского и запорожского казачества в первой половине XVII века // Теория и методика историографических и источниковедческих исследований. — Днепропетровск, 1989. — С. 192—195; Он же. О классификации Донских дел как источников о связях донского и запорожского казачества в первой половине XVII века // Проблемы применения количественных методов анализа и классификации источников по отечественной истории. — Днепропетровск, 1988. — С. 93—96.

дифференцированно выявить степень их территориальной и временной репрезентативности. В таблице представлены данные по порубежным городам, из которых наиболее часто приходили сведения о русско-украинских контактах. Приведено общее число отписок данной группы, а в скобках указано, сколько из них опубликовано, что позволяет судить о степени изученности истории российско-украинского порубежья. Большинство отписок по данной проблематике поступало из Путивля, Белгорода и Валук. Хронологически документы данного вида практически не освещают период 1581—1610 гг. Как свидетельствуют другие источники, русско-украинское взаимодействие в это время было не очень активным. Кроме того, перечисленные материалы могли серьезно пострадать во время польской интервенции начала XVII в., поскольку они имели непосредственное отношение к территориальному спору между Россией и Речью Посполитой. Количество отписок синхронно увеличивается, начиная с 20-х гг. XVII в.:

Отписки воеводы города	Количество фактов фиксации							Всего
	1581- 1590	1591- 1600	1601- 1610	1611- 1620	1621- 1630	1631- 1640	1641- 1653	
Путивль	2			1	14 (4)	50 (20)	52 (32)	119 (56)
Рыльск				1	1	19 (3)	3 (2)	24 (5)
Севск					1 (1)	13 (4)	9 (7)	23 (12)
Воронезж				2	1	9 (2)	12 (3)	24 (5)
Курск				1	1	22 (2)	13	37 (2)
Белгород				2	6 (4)	43 (2)	53 (18)	104 (24)
Оскол				1	1	14	3	19
Валуйки				1	7 (1)	20 (1)	46 (9)	74 (11)
Всего:	2			9	32 (10)	190 (34)	191 (71)	424(115)

Следует отметить, что высказанные предположения подтверждаются анализом отписок воевод крепостей, строившихся во время сооружения Белгородской черты. Например, за период с 1641 по 1653 гг. имеется 23 отписки яблоновских воевод, 19 — корочанских, 18 — чугуевских, 21 — хотмыжских и 14 — из Вольного.

Для установления аутентичности источников целесообразно использовать методы актового источниковедения, в том числе дипломатический анализ, предполагающий всестороннее изучение как внешней, так и внутренней структуры документальных материалов. Внешний вид актов: характер почерка, чернил, бумаги позволяет сделать вывод об их подлинности. Кроме того, донесения, отписки, челобитные и др. виды массовых документов вряд ли было целесообразно подделывать. Если подделки и были, то только единичные, а

данных документов сохранилось и проанализировано большое количество, что позволяет говорить о подлинности совокупности этих актов. Данный вывод подтверждается формулярным анализом. В воеводских отписках, царских (разрядных) грамотах, дипломатических посланиях и челобитных порубежных жителей имеются все клаузулы соответствующей формы: инскрипция, интитуляция и салютация в тексте, датация и субскрипция в заключительном протоколе. Сопоставление перечисленных документов с актами той же разновидности изучаемой эпохи свидетельствует об их подлинности. Все они составлены с соблюдением традиций российского приказного делопроизводства XVI—XVII вв.

По своему происхождению отписки воевод и челобитные таят опасность искажения (по тем или иным причинам) информации об изучаемых событиях. Однако в этих случаях в определенной степени можно положиться на опыт приказного делопроизводства при решении стереотипных ситуаций на основе традиций. Как правило, каждый конкретный случай сопоставлялся с рядом прецедентов, и решение принималось в соответствии с предыдущим аналогом. Учитывая это, воеводы и челобитчики серьезно рисковали при явном искажении фактов и, как показывает проведенный анализ, обычно на это не шли. Челобитные содержат информацию о местах расселения черкас, об обеспечении их жалованьем, вооружением и амуницией, а также раскрывают процесс укоренения переселенцев в России. Челобитные черкас и других категорий служилых людей и населения приграничных территорий содержат информацию о земельных и имущественных спорах и деятельности властей по разрешению конфликтных ситуаций. Обращает на себя внимание тот факт, что в челобитных черкасы называли себя "иноземцами", несмотря на принятие присяги в виде "крестного целования", а, следовательно, и российского подданства.

Зная установившиеся в первой половине XVII в. принципы проведения расследования, можно оценить степень достоверности информации, содержащейся в следственных делах. Сопоставление протоколов очных ставок, допросов подозреваемых, свидетелей и истцов, которые обязаны были подтверждать подлинность своих слов под пыткой, позволяет выявить достоверные данные из этих источников. Следует выделить распросные речи переселенцев; как правило их записывали в съезжих избах порубежных городов или в приказах — Посольском и Разрядном. Как показывает сопоставление с другими документами, черкасы могли утаивать свое семейное положение для того, чтобы жениться повторно на новом месте, но обычно не искажали информацию о положении дел в Польше и о своем прежнем месте жительства. Критически нужно рассматривать распросные речи черкас, задержанных по обвинению в подготовке или при попытке побега назад, на территорию Речи Посполитой. К ним относились как к государственным изменникам,

соответственно, последние в своих показаниях стремились утаить невыгодные для них факты.

Анализ дипломатической переписки дает возможность оценить степень достоверности сообщений с мест, а сравнение документов, возникавших в России и Речи Посполитой по одному и тому же поводу указывает на высокую степень подлинности источников этой группы.

Правительственные документы следует отнести к весьма надежным историческим источникам. Они очень хорошо контролируются путем сравнения с соответствующими воеводскими отписками и челобитными.

В тех случаях, когда имелась возможность проверить одни и те же данные по нескольким источникам, всегда наблюдалось достаточное совпадение сведений без существенных искажений. Видовое разнообразие источников позволяет проанализировать отложившуюся в них информацию. Облегчает эту задачу наличие значительного числа источников сложного состава, состоящих из различных документов, зачастую охватывающих значительный промежуток времени. Например, это следственные дела, содержащие отписки, "вести", распросные и пыточные речи или грамоты из Разрядного приказа, содержащие изложение челобитных и переписки между воеводой и Разрядом, возникшей по этому поводу. Такая форма делопроизводства способствует не только определению достоверности информации, но и позволяет восстановить тот или иной эпизод, даже если большая часть документов о нем утрачена.

В фондах РГАДА сохранилось значительное количество подлинников челобитных, воеводских отписок, распросных речей и других следственных документов. Большинство же царских (разрядных) грамот, указов, наказов послам и воеводам дошло в виде чистовых отпусков, черновиков и современных копий, использование которых вполне допустимо, поскольку такие копии, в большинстве случаев, не искажают документы¹. Сличение сохранившихся подлинников² с соответствующими черновыми и беловыми отпусками свидетельствует в пользу последнего утверждения. Кроме того, анализ черновых записей, сравнение их с подлинником и чистовым отпуском позволяет проследить процесс работы над документом и сделать заключение о достоверности сообщаемых им сведений.

В целом, весь комплекс сохранившихся источников позволяет провести исследование российско-украинских порубежных отношений в конце XVI — первой половине XVII в., выявить общие закономерности и тенденции, а также проанализировать конкретные факты. Совокупность выявленных источников

¹См.: Тихомиров М.Н. Приказное делопроизводство в XVII веке // Российское государство XV—XVII веков. — М., 1973. — С. 348.

²См. например: Царские грамоты на Корочу и челобитные корочан царям // ЧОИДР. — 1859. — № 2. — С. 1—256.

дает возможность рассмотреть не только политику Российского государства в регионе, но и определить позиции Речи Посполитой в связи с украинской народной колонизацией Поля, а также достаточно подробно проанализировать деятельность украинцев-"черкас" в Днепро-Донской лесостепи, оценить русско-украинские межэтнические контакты на порубежье в конце XVI — первой половине XVII в., несмотря на практически полное отсутствие источников польского и украинского происхождения. Таким образом, отсутствие сформировавшегося в ходе естественной выборки компактного массива источников не может служить препятствием для исследования актуальных проблем, в том случае, если в ходе анализа материалов различных архивных фондов имеется возможность создания системы данных, позволяющей раскрыть поставленную важную и актуальную проблему.

Папков А.И., кандидат исторических наук, доцент
кафедры социологии БГТУ им. В.Г. Шухова
(Грант РГНФ № 06-01-55108a/ц)

Основание Белгорода и возникновение его первых храмов и монастырей

С этого начались продолжающиеся и до сей поры, разночтения в датировке основания Белгорода. Предпочтение, отдававшееся длительное время 1593 г., было связано с авторитетом придерживавшихся этой даты крупнейших исследователей истории заселения южной окраины России конца XIX столетия — Д.И. Багалея и И.Н. Миклашевского. Однако после издания в 1969 г. монографии одного из ведущих исследователей истории Черноземного региона В.П. Загоровского, посвященной истории Белгородской черты, в литературе закрепилась еще одна дата основания Белгорода — 1596 г., повторенная в последней монографии этого историка³. Основанием к предложению такой даты для самого автора послужила публикация в 1966 г. найденной еще одной редакции разрядной книги⁴. Однако, справедливости ради, следует отметить, что 1596 г., как один из вариантов датировки основания Белгорода, приводился А.А. Зиминым еще в 1955 г.⁵, но это осталось незамеченным, в том числе самим В.П. Загоровским. Предположения А.А. Зимина стали результатом анализа

³ См.: Загоровский В.П. Белгородская черта.— Воронеж, 1969.— С. 43—45; Он же. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в.— Воронеж, 1991.— С. 218—221.

⁴ РК 1457—1598 гг.— М., 1966.— С. 500—501.

⁵ Зимин А.А. Состав русских городов XVI в. // Исторические записки.— М., 1955.— Т. 52.— С. 346—347.